

Александр Майоров*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ И УТОЧНЕНИИ ДАТЫ РОЖДЕНИЯ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

В именовании Рюриковичей личное крестильное имя *Даниил* до начала XIII в. ни разу не встречается. Первый и, возможно, единственный в домонгольский период случай представляет имя галицко-волынского князя Даниила Романовича, зафиксированное во множестве различных источников.

Современные исследователи уклоняются от ответа на вопрос, откуда в семье галицко-волинских князей появляется сразу несколько совершенно нехарактерных для Рюриковичей крестильных имен, среди которых – Даниил, Ираклий, Лев и др. Данный феномен, по заключению Н. Ф. Котляра, “в настоящее время не представляется возможным объяснить”¹.

Примерно к такому же выводу приходят А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, рассмотревшие все известные ныне случаи использования мужских имен среди ближайших потомков Романа Мстиславича: “Имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось редким своеобразием и не во всем было ориентировано на общединастический именованослов”². В отношении же имени старшего сына Романа Даниила названные авторы лишь констатируют невозможность определить происхождение столь нетипичного для Рюриковичей имени: “мы не располагаем данными, в честь кого из святых с этим именем он был крещен”³.

Мы действительно не имеем прямых указаний в источниках (в особенности в письменных), в честь какого христианского святого получил свое имя Даниил Романович. Но это отнюдь не значит, что ответить на такой вопрос в настоящее время не представляется возможным. Разумеется, что при ответе на него нам придется обратиться к косвенным данным и сравнительным материалам.

Почитание Даниила Столпника в семье великих князей московских.

Если в домонгольский период случай наречения именем Даниил старшего сына галицко-волынского князя Романа Мстиславича является уникальным в практике имянаречения Рюриковичей, то в последующее время подобные случаи становятся регулярными, особенно в семье московских великих князей. Из многочисленных источников известно, что младший сын Александра Невского, ставший родоначальником династии московских князей, получил при

* Майоров Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры музеезнания Санкт-Петербургского университета (Россия)

¹ Котляр Н. Ф. Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 187.

² Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. – Москва, 2006. – С. 567-568, 573.

³ Там же. – С. 533.

крещении имя Даниил. Это же имя впоследствии носили сыновья практически всех московских великих князей XIV – начала XV вв.:

– Даниил Иванович, сын великого князя Ивана Калиты, родившийся в 1319 или 1320 гг. и умерший, вероятно, в молодом возрасте⁴;

– Даниил Симеонович, сын великого князя Симеона Гордого, родившийся в 1347 г. и умерший, вероятно, в раннем возрасте⁵;

– Даниил Дмитриевич, старший сын великого князя Дмитрия Донского, умерший при жизни отца⁶;

– Даниил Васильевич, сын великого князя Василия I Дмитриевича, умерший в младенчестве⁷.

С большой долей вероятности мы можем определить, в честь какого христианского святого получали свои имена упомянутые московские князья, начиная с основоположника династии Даниила Александровича. Ряд известных ныне фактов прямо указывает, что в качестве патронального святого родоначальника московских князей, который сам был причислен к лику святых Русской Православной церкви, выступает Св. Даниил Столпник⁸.

Так, изображение Даниила Столпника с соответствующей надписью представлено на печатях, атрибутируемых Даниилу Александровичу⁹. При своей жизни этот князь возвел монастырь, посвященный Даниилу Столпнику¹⁰. Образ Даниила Столпника помещен в медальоне, который сопровождает изображение князя Даниила Александровича на фреске северо-западного столпа Архангельского собора Московского Кремля¹¹.

Существующий доныне в Москве на правом берегу Москвы-реки ставропигиальный Свято-Данилов монастырь (Даниловский вал, 22) сохранил свое древнее посвящение во имя прп. Даниила Столпника. Обитель, в которой ныне размещается синодальная резиденция патриарха Московского и всея Руси, считается старейшим монастырем Москвы и ведет свою историю от монастыря, возведенного Св. Даниилом Московским¹².

Первая обитель, посвященная Даниилу Столпнику, появилась в Москве на рубеже XIII – XIV вв. Тогда же в ней была утверждена первая архимандрития Московского княжества. После перевода ее в 1330 г. в кремлевский Спасо-Преображенский монастырь (Спас на Бору), Данилов монастырь

⁴ ПСРЛ. – Т.10. – Москва, 2000. – С. 187; – Т.18. – Москва, 2007. – С. 89.

⁵ ПСРЛ. – Т.4. – Ч.1. – Москва, 2000. – С. 279; – Т.7. – Москва, 2001. – С. 214; – Т.10. – С. 219.

⁶ ПСРЛ. – Т.4. – Ч.1. – С. 360, 488; – Т.7. – С.58; – Т.18. – С. 24; – Т.25. – Москва, 2004. – С. 218.

⁷ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 455.

⁸ См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. – С. 531-532; См. также: *Флоря Б. Н.* Даниил Александрович // Православная энциклопедия. – Т. XIV.

⁹ *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X – XV вв. – Т.3. – Москва, 1998. – С.67, 166.

¹⁰ ПСРЛ. – Т.7. – С. 202; – Т.10. – С. 204; – Т.15. – Вып. 1. – Москва, 2000. – Стб. 46.

¹¹ *Самойлова Т. Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI в. – Москва, 2004. – С. 142, 146.

¹² См.: Данилов во имя прп. Даниила Столпника московский монастырь // Православная энциклопедия. – Т. XIV.

Св. кн. Даниил Московский в молении Св. Троице, с видом Данилова монастыря.
Икона. Конец XVII – начало XVIII в. Государственный музей истории религии
(Санкт-Петербург, Россия)

запустел и был возобновлен только в 1560 г. по воле Ивана Грозного¹³.

Древний Даниловский монастырь и возникшее вокруг него “сельцо” Даниловское располагались на правом (южном) берегу Москвы-реки, на ее излучине. Монастырь с поселением разделяло устье небольшой речки Даниловки, ныне исчезнувшей. В XVI в. обитель была отстроена на новом месте, старое же заняло разросшееся “сельцо” Даниловское. Древнее посвящение монастыря Св. Даниилу Столпнику подтверждается сведениями о том, что главный его храм издревле был посвящен именно этому святому. Запустение монастыря во второй половине XIV – начале XVI вв. привело к использованию его территории как приходского кладбища, а храма – как приходской церкви. С возобновлением обители на новом месте ее старый храм во имя прп. Даниила Столпника так и остался приходским, просуществовав в таком качестве до начала XVIII в.¹⁴

Не только основоположник московской княжеской династии Даниил Александрович, но и другие московские князья, носившие имя Даниила, получили его в честь того же святого – Даниила Столпника. Такой вывод можно сделать в отношении почти всех известных ныне московских князей XIV – начала XV в. с именем Даниил¹⁵.

¹³ Кучкин В. А. О дате основания московского Данилова монастыря / В. А. Кучкин // Вопросы истории. – 1990. – № 7; Аверьянов К. А. Где находился древнейший монастырь Москвы? / К. А. Аверьянов // Историческая география России: новые подходы. Сборник статей, посвященных 70-летию В. М. Кабузана. – Москва, 2004.

¹⁴ См.: Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. – Москва, 1994; Его же. Древности Данилова монастыря (церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) / Л. А. Беляев // Культура средневековой Москвы XIV – XVII вв. – Москва, 1995.

¹⁵ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. – С. 532-534.

По свидетельству Симеоновской летописи, князь Даниил Иванович, сын Ивана Калиты и внук Даниила Московского, появился на свет 11 декабря 1319 г.¹⁶, т. е. непосредственно в день памяти Св. Даниила Столпника. Такая же дата, по-видимому, содержалась и в Троицкой летописи, откуда была заимствована Н. М. Карамзиным¹⁷.

День памяти прп. Даниила Столпника был днем, с которым так или иначе соотносятся даты рождения других московских князей с крестильным именем Даниил. К примеру, сын великого князя Василия Дмитриевича родился 6 декабря 1401 г.¹⁸, а сын великого князя Симеона Гордого родился 15 декабря 1347 г.¹⁹

Исходя из указанной практики, современные исследователи высказывают предположение, что и основатель московской династии, князь Даниил Александрович, получивший свое имя в память прп. Даниила Столпника, должен был появиться на свет в самом начале зимы, незадолго до 11 декабря²⁰.

Данилов монастырь в Узровске: свидетельства письменных источников и новые археологические данные.

В современной литературе мы не найдем объяснения причин распространения среди московских великих князей почитания Св. Даниила Столпника, выразившегося в наречении именем Даниил великокняжеских сыновей на протяжении нескольких поколений подряд. Насколько нам известно, подобный вопрос вообще не поднимается.

В известной мере это можно объяснить тем, что сохранившиеся источники не содержат ясных указаний насчет возможных истоков культа Даниила Столпника в Москве в XIV в. Очевидно, что почитание этого святого в великокняжеской семье должно быть связано с памятью о родоначальнике династии Данииле Московском. Однако, чем объяснить появление такого имени у младшего сына Александра Невского?

Точная дата рождения Даниила Александровича в источниках не зафиксирована. По мнению большинства исследователей, князь должен был появиться на свет в 1261 г.²¹ Значит, к этому времени в семье его отца должны были сложиться определенные предпосылки для будущего династического почитания Св. Даниила Столпника.

Похоже, что такие предпосылки сложились еще ранее, в предыдущем поколении владими́ро-суздальских великих князей. Имя Даниил носил один из братьев Александра Невского, сын владимирского великого князя Ярослава

¹⁶ ПСРЛ. – Т. 18. – С. 89.

¹⁷ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. – С. 356.

¹⁸ Там же. – С. 455.

¹⁹ ПСРЛ. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 279; – Т. 7. – С. 214; Т. 10. – С. 219.

²⁰ *Борисов Н. С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV века. – Москва, 1999. – С. 65.

²¹ *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва XII – XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV – XV вв. – Москва, 1992. – С. 21; *Борисов Н. С.* Политика московских князей. – С. 65; *Флоря Б. Н.* Даниил Александрович. – С. 99.

Всеволодовича. Этот первый из известных в Северо-Восточной Руси князь с именем Даниил в источниках упоминается дважды: среди сыновей Ярослава Всеволодовича, уцелевших после нашествия Батые²², и в сообщении о собственной смерти в 1256 г.²³

Как уже отмечалось, вплоть до начала XIII в. имя Даниил на Руси не было княжеским. Первым в роду Рюриковичей это имя получил галицко-волинский князь Даниил Романович, ставший одним из самых могущественных и знаменитых князей Древней Руси. У нас есть все основания предполагать, что как и в случае с московскими князьями конца XIII – XIV вв., Даниил Романович получил свое крестильное имя в память прп. Даниила Столпника.

Можно с уверенностью утверждать, что именно в годы княжения Даниила Галицкого на волинских и галицких землях появляются явные следы почитания Даниила Столпника и распространения столпничества как формы христианского аскетизма.

Не может быть случайностью появление в Галицко-Волинской Руси во времена Даниила двух новых городов с весьма характерными названиями – Столпье и Данилов. Столпье впервые упоминается под 1204 годом²⁴, а в 1217 г. значится среди отвоєванных Даниилом у поляков городов западноволынской “Украины”²⁵. Данилов упоминается под 1240 годом в сообщении о неудачной попытке войск Батые овладеть городом²⁶. Древние городские укрепления локализованы вблизи хутора Даниловка Кременецкого района Тернопольской области на горе Троица²⁷.

Подобно Даниилу Московскому, построившему вблизи своей столицы Данилов монастырь во имя Св. Даниила Столпника, обитель, посвященную этому же святому, несколькими десятилетиями ранее возводит и Даниил Галицкий, и, насколько можно судить, это был первый в Древней Руси монастырь, посвященный названному святому.

Сведения о построенном Даниилом Романовичем Даниловом монастыре находим в Галицко-Волинской летописи. Под 1268 годом летопись сообщает, что в городе Угровске на Западной Волини уже существовал монастырь Св. Даниила, в котором принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк: “Воишелкъ иде до Оугровьска в монастырь ко святому Данилю, и взя на ся чернечькии порты, и поча житии в монастыре”²⁸.

Монастырь Св. Даниила в Угровске впервые упоминается в известиях, относящихся к 1264 г. Тогда в Рим Даниилом Галицким было отправлено посольство для продолжения переговоров об условиях церковной унии. Возглавлял послов галицко-волинского князя игумен Григорий, который в одной из папских грамот именовался “аббатом с Горы Святого Даниила”. По мнению

²² ПСРЛ. – Т.1. – Москва, 1997. – Стб. 521.

²³ ПСРЛ. – Т.4. – Ч. 1. – С. 232.

²⁴ ПСРЛ. – Т.2. – Москва, 1998. – Стб. 721.

²⁵ ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 732.

²⁶ Там же. – Стб. 786.

²⁷ *Раннопорт П. А. Данилов / П. А. Раппопорт // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Вып. 125. – Москва, 1971.*

²⁸ ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 867.

современных исследователей, так в папской канцелярии называли монастырь Св. Даниила Столпника в Угровске²⁹.

Под 1259 годом Галицко-Волынская летопись сообщает о завершении Даниилом Романовичем каких-то масштабных строительных работ в Угровске: «Данилови бо княжящоу во Володимере, созда град Оугорескъ и постави во немъ пискупа»³⁰.

Поскольку впервые Угровск упоминается в летописи под 1204 годом и с тех пор фигурирует в ее сообщениях неоднократно³¹, в данном случае речь идет не о закладке города, а о строительстве князем Даниилом новых городских укреплений или укрепленной резиденции епископа. Наличие в Угровске епископа, а также тот факт, что игумен местного монастыря Св. Даниила представлял князя на переговорах об унии с римским папой, свидетельствует о высоком церковно-политическом значении этого города во время правления Даниила.

В первой половине XIII в. Угровск играл особую роль в политике Даниила Галицкого. Возможно, князь даже имел планы сделать его своей новой столицей, но впоследствии выбрал для этой цели Холм. Во всяком случае, в правление Даниила Угровск, несомненно, играл роль административного центра русского Забужья³².

Долгое время местонахождение летописного Угровска оставалось не вполне определенным³³. Лишь во второй половине 1990-х годов были получены убедительные археологические подтверждения существования древнего городища на правом берегу Западного Буга, в 2,5 км к западу от современного села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области, с высокой степенью вероятности отождествляемого с древним Угровском³⁴.

Одновременно с поисками города велись также поиски остатков располагавшегося в нем монастыря Св. Даниила. В историко-краеведческой литературе XIX – начала XX в. приводится несколько записанных со слов местных жителей легенд о древней башне, построенной в Угровске князем Даниилом Галицким. Эта башня, именуемая Столпом, стала главным ориентиром в поисках следов монастыря Св. Даниила³⁵.

²⁹ Мицько І. З. Монастирі / І. З. Мицько // Історія української культури: В 5-ти т. – Т. 2: Українська культура XIII – першої половини XVII століть. – Київ, 2001. – С. 234.

³⁰ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 842.

³¹ Там же. – Стб. 721. В Галицко-Волынской летописи на протяжении 1204 (1207) – 1268 гг. Угровск упоминается семь раз, что указывает на немаловажную роль города в XIII в. (см.: Там же. – Стб. 721, 732, 754, 758, 842, 867).

³² См.: Панишко С. Угровське князівство Данила Романовича / С. Панишко // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Мат-ли Міжнародної наукової конф-ції (Львів, 29 – 30 листопада 2001 р.). – Львів, 2003.

³³ См.: Панишко С. До проблеми локалізації давньоруського Угровська / С. Панишко // Київська старовина. – 1997. – № 5.

³⁴ См.: Мазурик Ю., Остап'юк О. Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині / Ю. Мазурик, О. Остап'юк // Замосцько-Волинські музейні зошити. – Т.1. – Zamość, 2003.

³⁵ См.: Е. М. Холмская православная епархия // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре. – Год VIII. – 1884. – № 2. – С. 23; Его же. Город Холм и его святыня // Холмский календарь на 1885 год. – Холм, 1885. – С. 69; Гербачевский Ф. Русские древности и памятники православия

В северной части открытого близ с. Новоугрузское древнерусского городища, у самого берега Западного Буга выявлена укрепленная площадка мысовидной формы площадью ок. 2 га. В средней части мыса располагается урочище с характерным названием Столп или Столпово. В центре урочища в 1997 г. раскопаны фундаменты прямоугольной в плане каменной башни. Урочище Столп представляет собой насыпной земляной холм высотой 2,5 м и диаметром 40 м. Располагавшаяся в центре его башня имела периметр $7,4 \times 9,3$ м, при толщине стен 1,5 – 1,7 м. Кроме фундаментов сохранились остатки сложенных из брусчатого кирпича стен на высоту до 1,3 м. По ряду характерных признаков кирпич датируется второй половиной XIII в.³⁶

Построенный Даниилом Романовичем монастырь Св. Даниила в Угровске, очевидно, должен был иметь посвящение святому, которого галицко-волинский князь почитал своим патрональным святым. Недавнее открытие на территории монастыря остатков каменной башни-столпа, возведенного на рукотворной насыпи посреди урочища, донныне сохраняющего название Столп, позволяет заключить, что упомянутый монастырь был посвящен Св. Даниилу Столпнику³⁷. Именно этого святого почитал как своего небесного патрона тезоименитый ему галицко-волинский князь.

В Галицко-Волинской Руси в правление Даниила Романовича и его потомков было возведено несколько монастырских сооружений, подобных башне-столпу монастыря Св. Даниила Столпника в Угровске. До нашего времени сохранилась пятиярусная каменная башня близ Холма, в древнем городе с характерным названием Столпье. Эта башня, вероятнее всего, была частью Спасо-Столпьевского монастыря, ставшего резиденцией великой княгини Евфросинии после принятия ею монашества³⁸.

Фундаменты еще одной башни-столпа обнаружены в Спасском монастыре под Старым Самбором³⁹. Особое покровительство своей обители оказывал галицкий князь Лев Данилович. В XVIII в. было записано местное предание, согласно которому после смерти своей жены Констанции князь принял монашеский постриг и удалился в Спасо-Самборской монастырь, где провел

Холмско-Подляшской Руси. – Варшава, 1892. – С. 134; *Любарський С.* Село Угрусък Володавського повіту на Холмщині / С. Любарський // *Духовна бесіда*. – Варшава, 1925. – № 17-18. – С. 12; *Раппопорт П. А.* Волинские башни / П. А. Раппопорт // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – № 31. – Москва, 1952. – С. 220.

³⁶ *Мазурик Ю., Остап'юк О.* Локалізація башти в літописному Угровську / Ю. Мазурик, О. Остап'юк // *Минуле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть. Матеріали X наукової історико-крезнавчої конференції*. – Луцьк, 2002.

³⁷ *Кучинко М. М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X – XIV століттях. – Луцьк, 2009. – С. 64-65.

³⁸ См.: *Майоров А. В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волинской Руси: княгиня и монахиня / А. В. Майоров // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. – 2010. – № 1 (39).

³⁹ *Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области / М. В. Малевская, А. И. Кос, М. Ф. Рожко, Е. В. Шолохова // *Археологические открытия за 1978 г.* – Москва, 1979. – С. 360; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. Каталог памятников. – Санкт-Петербург, 2000. – № III.6. – С. 96-98.

Холмские башни-столпы XIII в. и их предназначение.

Исследователи давно обратили внимание на удивительный феномен в архитектуре Галицко-Волынской Руси XIII – первой половины XIV в., практически не встречающийся в других русских землях. На территории Западной Волыни и Галицкого Прикарпатья к настоящему времени выявлено значительное число отдельно стоящих каменных башен-столпов, иногда являвшихся частью монастырских комплексов или расположенных в черте городов. Эти сооружения сохранились в основном в виде скрытых в земле фундаментов. Однако в некоторых редких случаях башни сохранились полностью, что позволяет изучить их архитектурно-конструктивные особенности и попытаться определить функциональное предназначение⁴¹.

Долгое время в литературе господствовало мнение, что упомянутые западноволыньские столпы представляют собой башни-донжоны военно-оборонительных комплексов, построенных по типу западноевропейских феодальных замков. Однако новейшие архитектурно-археологические исследования наиболее сохранившихся памятников, в частности башни в Столпье под Холмом, показывают, что предназначение подобных объектов могло быть совершенно иным. На верхнем (пятом) ярусе Столпьевской башни обнаружены остатки часовни, устроенной, несомненно, при строительстве столпа. Данное открытие показывает, что изначально башня была предназначена для отправления особого рода религиозных культов, связанных с идеями христианского аскетизма. Такие культы со времен раннего средневековья были широко распространены на христианском Востоке и в Византии. Их выражением было столпничество, предполагавшее уединенное проживание, как правило, на вершине башни-столпа в строгом посте и молитвенных бдениях⁴².

Похоже, Столпьевская башня не утратила своего изначального предназначения и спустя несколько столетий с момента ее постройки. Еще в середине XV в. в башне жил иеромонах-отшельник по имени Вавила, которого принял под свою защиту киевский митрополит и папский легат Исидор. В послании к старостам Холма от 27 июля 1440 г. Исидор разъясняет, что “попъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столпа” не должен терпеть обид от местных жителей,

⁴⁰ *Stebelski I.* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij [...]. Wyd. 2. – T.3. – Lwów, 1867. – S. 28-38, 44.

⁴¹ *Rannonort П. А.* Волыньские башни; *Рожко М. Ф.* Карпатські шляхи та їх охорона // УІЖ. – 1990. – № 10; *Його ж.* Оборонно-житлові вежі в системі укріплень Галицко-Волинського князівства / М. Ф. Рожко // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Відп. ред. П. П. Толочко. – Чернігів, 1997; *Антипов И. В.* Оборонительные башни “волынского типа” в системе укреплений городов Западной Руси / И. В. Антипов // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6 – 9 октября 1998 г. – Санкт-Петербург, 1998.

⁴² Подр. см.: *Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003 – 2005 / Pod red. A. Buko.* – Warszawa, 2009.

Район Высокой Горки. Место, где во второй половине XIII в. находился дворец Даниила Галицкого. Современный вид (г. Хелм, Польша) покусавшихся на прилегающий к столпу сад, так как он в том столпе-церкви живет и “Бога молить о всем христианстве”⁴³.

Главным средоточием башен-столпов на Западной Волыни был город Холм, построенный Даниилом Романовичем в качестве новой столицы Галицко-Волынской Руси. В рассказе Галицко-Волынской летописи о постройке Холма упоминается “высокая вежа”, возведенная князем Даниилом в центре города⁴⁴. Фундаменты этой постройки раскопаны П. П. Покрышкиным в 1910 – 1912 гг. на Высокой Горке в Холме. Выстроенная в 1230 – 1240-е годы башня представляла собой квадратное в плане сооружение (4,7 × 4,9 м) с круглым внутренним помещением (диаметром ок. 2 м) и толщиной стен 1,2 – 1,4 м. С юго-западной стороны к башне примыкало прямоугольное вытянутое в длину сооружение, идентифицируемое как княжеский дворец Даниила Галицкого, существенно перестроенный в конце XIII – начале XIV в. В ходе дальнейших раскопок комплекса княжеского дворца обнаружены фундаменты еще одной жилой башни, построенной в середине XIV в.⁴⁵

В 2 км к северу от Холма, у деревни Белавино вплоть до Второй мировой войны сохранялись остатки стен каменной башни, возведенной на небольшой насыпи посреди труднопроходимого болота. В XIX в. местные жители называли эту башню Столп, а местность вокруг нее – Застолпье⁴⁶.

В 1909 г. башня была обследована П. П. Покрышкиным, а в 1910 – 1911 гг. отремонтирована. Уцелевшие фундаменты постройки неоднократно исследовались в 1970 – 1990-х годах. Наружные размеры башни 11,8 × 12,4 м при

⁴³ АЮЗР. – Ч. I. – Т.6. – Киев, 1883. – № II. – С. 5.

⁴⁴ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 844.

⁴⁵ *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. – С. 107-108, № IV.3; – С. 133-135, № IV.16.

⁴⁶ *Хрущевич Г. Н.* Белавинская и Столпьевская башни под Холмом / Г. Н.Хрущевич // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. – Вып. 7. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 46-61; *Батюшков П. Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. – Санкт-Петербург, 1887. – Приложения. – № 25. – С. 36.

Адам Ле Руе (1825? – 1863). Развалины башни в Белавине.
Рисунок из “Люблинского альбома” (1857 – 1860 гг.)

высоте ок. 18 м и толщине стен ок. 1,7 м. О возможном культовом предназначении сооружения свидетельствуют размеры и форма окон, устроенных в его верхнем ярусе. Эти окна значительно превышали размеры бойниц и представляли собой широкие (до 1,7 м) проемы с полуциркульным завершением, отделанные белым и зеленым тесаным камнем. На внутренней поверхности стен на уровне верхнего яруса были зафиксированы следы штукатурки и красочной росписи. Над увенчанным сводом верхним ярусом башни, вероятно, был устроен еще один ярус, представлявший собой открытую площадку⁴⁷.

Согласно местным преданиям, записанным в середине XVII в. холмским униатским епископом Яковом Сушей, в окрестностях Холма существовало еще несколько древних каменных столпов – в селах Спас и Чернеево. Исследователями предпринимаются попытки их идентификации с известными ныне объектами, не давшие пока убедительных результатов⁴⁸.

В соседнем с Холмом городе Люблине известна еще одна каменная башня-столп, строительство которой связывается с деятельностью Даниила Романовича. По сообщениям польских источников, в 1243 или 1244 гг. Люблин на некоторое время был захвачен галицко-волынским князем, немедленно приступившим к строительству в Люблинском замке новой каменной башни. Так, в Рочнике Свентокшиском Новом читаем: “...русские в ряде нападений опустошают и поджигают Люблин и всю территорию; и начали строить для себя замок и поставили каменную башню”⁴⁹.

⁴⁷ Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. – С. 138-141. – № IV.18; *Ruszkowska U.* Chełm-Bielawin. U źródeł miasta // *Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma.* – Lublin, 2002 (Lubelski Wojewódzki Konserwator Zabytków w Lublinie).

⁴⁸ Хрущевич Г. Н. Белавинская и Столпьевская башни под Холмом. – С. 50; *Pannoport П. А.* Волынские башни. – С. 219-220.

⁴⁹ Цит. по: *Pannoport П. А.* Волынские башни. – С. 220.

Дополнительные подробности приводятся в Истории Яна Длугоша, уточняющего, что башня была построена Даниилом на территории Среднего замка и имела круглую форму: “Он (Даниил Романович. – *А. М.*), придя в Люблин, захватывает как замок, так и город, и присваивает и забирает всю землю Люблинскую и строит в Среднем замке круглую башню из обожженных кирпичей”⁵⁰.

Эта башня упоминается и в Галицко-Волынской летописи под 1287 годом в рассказе о том, как черский князь Конрад Земовитович, внук Конрада Мазовецкого, попытался захватить Люблин. Завидев во время переговоров с горожанами приближающееся вражеское войско, Конрад бежал и укрылся в каменной башне, где обитали монахи: “И выбеже Кондрать во столпь ко мнихомъ с бояры своими и с слоугами...”⁵¹.

Из приведенного летописного известия следует, что построенная Даниилом в Люблине башня имела не столько военно-оборонительное, сколько сакральное предназначение: башня, именуемая столпом, была жилищем монахов, вероятно, приверженцев особого рода монашеского служения – столпничества. И только в минуту большой опасности князь Конрад со своими приближенными получил убежище в этом столпе.

Готическая или Круглая башня. Предполагаемая башня-столп, построенная Даниилом Галицким в середине XIII в. Современный вид (г. Люблин, Польша)

⁵⁰ Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. – Ks. 7-8. – Warszawa, 1973. – S. 57.

⁵¹ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 910.

До настоящего времени на территории Люблинского замка сохраняется круглая кирпичная башня, стоящая на мощном каменном фундаменте, которую большинство исследователей отождествляет со столпом Даниила Галицкого⁵². Архитектурные формы и техника кладки башни указывают на ее родство с архитектурой Мекленбурга и Хале. Это обстоятельство в свою очередь заставляет предполагать, что башня была возведена приглашенными в Люблин восточно-немецкими мастерами. Некоторые исследователи полагают, что Круглая башня Люблина, также именуемая Готической, могла быть построена в середине XIV в.⁵³

Следы почитания Даниила Столпника и покровительства столпничеству потомков Даниила Романовича.

Не только Даниил Романович, но и другие члены семьи галицко-волинских князей проявляли себя покровителями столпничества и поддерживали культ Св. Даниила Столпника.

Среди прямых потомков Даниила Галицкого имя Даниила носили его внук, галицкий князь Даниил Мстиславич, упоминающийся в летописи под 1280 годом⁵⁴, а также правнук, острожский и холмский князь Даниил Василькович (ум. ок. 1370 г.), ставший (вместе со своим отцом, слонимским князем Васильком Романовичем) родоначальником князей Острожских и Заславских⁵⁵.

Племянник Даниила Галицкого, волинский князь Владимир Василькович, знаменитый “книжник” и “философ”, со смертью которого прекращается галицко-волинское летописание, также, несомненно, имел прямое отношение к почитанию Св. Даниила Столпника и столпничеству вообще.

В летописном некрологе по случаю смерти князя впервые в древнерусском летописании упоминается имя прп. Даниила Столпника. Владимир скончался в день, когда отмечается память этого святого: “...опрятавшие тело его, вложивши и во гробь месяца декабря во 11 день на память святого Данила Столпника в соуботоу”⁵⁶

В древнерусских месяцесловах XI – XIV вв. под 11 декабря отмечается память нескольких христианских святых⁵⁷. Выбор среди них княжеским летописцем именно Даниила Столпника в связи с упоминанием о смерти Владимира Васильковича может свидетельствовать, что этот святой был каким-то особым

⁵² Лонгинов А. В. Червенские города. – Варшава, 1885. – С. 145; *Его же*. Памятники русской старины в г. Люблине / А. В. Лонгинов // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. – Вып. 8. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 239-240; *Раппопорт П. А.* Волинские башни. – С. 220; *Антипов И. В.* Люблинская башня и западнорусская архитектура второй половины XIII в. / И. В. Антипов // Староладожский сборник. – Санкт-Петербург – Старая Ладога, 1998.

⁵³ *Koziejowski N.* Romański charakter stylowy architektury wieży na zamku w Lublinie // *Roczniki humanistyczne*. – Т. XXIII. – Lublin, 1975. – Z. 5.

⁵⁴ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 881.

⁵⁵ См.: *Войтович Л. В.* Князя доба: портрети еліти. – Біла Церква, 2006. – С. 509-510, 512.

⁵⁶ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 919.

⁵⁷ См.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI – XIV вв. – Москва, 2001. – С. 221-222.

Башня-столп Владимира Васильковича. Вторая половина XIII в.
Современный вид (г. Каменец Брестской области, Беларусь)

образом связан с усопшим князем.

С Владимиром Васильковичем связано строительство двух самых больших из известных ныне на волынских и галицких землях каменных башен-столпов, вызывавших удивление даже у княжеского летописца. В посмертном панегирике Владимиру, помещенном в Галицко-Волынской летописи под 1289 годом, воздается хвала князю в том числе за постройку им нового города Каменца, в котором был возведен невиданных размеров каменный столп: “Созда же (Владимир Василькович. – *А. М.*) в нем (городе Каменце. – *А. М.*) столпь камень высотой 17 сажени, подобень удивлению всем зрящим на нь”⁵⁸.

Этот необыкновенный столп почти полностью сохранился до наших дней и был неоднократно исследован учеными. Башня располагается на высоком берегу р. Лесны (приток Западного Буга) посреди искусственной насыпи. Диаметр круглого в плане сооружения достигает 13,5 м, а высота сохранившихся донныне стен – ок. 30 м при их толщине ок. 2 м. Внутри при помощи деревянных перекрытий башня была разделена на пять ярусов. На уровне четвертого яруса в наружной стене сохранились следы дверного проема и наружной площадки, на которой, вероятно, был устроен балкон⁵⁹.

В той же летописной похвале по случаю кончины Владимира Васильковича говорится о еще одном возведенном им каменном столпе, равном по высоте столпу в Каменце. Второй столп Владимира Васильковича был возведен неподалеку от первого – в городе Берестье: “...в Берестии же създа стльпь

⁵⁸ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 925.

⁵⁹ Батюшков П. Н. Холмская Русь. – Приложения. – № 28. – С. 39; Паннопорт П. А. Волынские башни. – С. 205-211; Ткачев М. А. Замки Белоруссии. – Минск, 1987. – С. 6-10; Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. – С. 115-118. – № IV.7.

камень, высотой, яко и Каменецкыи...⁶⁰

Остатки древней башни были полностью уничтожены в 1831 г. при строительстве Брестской крепости. По старинным планам города конца XVIII – начала XIX в., а также в ходе археологических раскопок неоднократно предпринимались попытки определить ее местонахождение, не давшие, однако, убедительных результатов⁶¹.

С конца XV в. известен располагавшийся возле Берестейского столпа монастырь во имя Св. Симеона Столпника. Обитель впервые упоминается в привилее 1499 г., данном Берестью великим князем литовским Александром Ягеллончиком, где о монастыре говорится как о “древнем”, имевшим два храма: прп. Симеона Столпника и трапезный Благовещенский. В XVII – XVIII вв. монастырь неоднократно переходил от православных к униатам и обратно. Во время Отечественной войны 1812 г. он сильно пострадал от пожаров и в 1824 г. был упразднен. В 1833 г. храмы и другие уцелевшие постройки монастыря были разобраны в связи со строительством Брестской крепости. В память о древней обители в 1865 г. в новой части Бреста был возведен Собор во имя Св. Симеона Столпника, который в настоящее время является кафедральным храмом Брестской епархии⁶².

Еще одна грандиозная каменная башня-столп была построена сыном Даниила Галицкого Мстиславом, княжившим на Волыни. Этот князь известен особым стремлением к увековечиванию памяти своих предков: он, в частности, возвел храм-усыпальницу во имя Свв. Иоакима и Анны над могилой своей бабки, великой княгини Евфросинии-Анны⁶³, а одного из своих сыновей назвал именем Даниил⁶⁴. Под 1291 годом в Галицко-Волынской летописи сообщается о начале строительства Мстиславом Даниловичем нового столпа в Черторыйске: “... в Черторыискы в городе заложы столпъ камен”⁶⁵.

В 1961 г. П. А. Раппопортом был вскрыт фундамент башни на древнерусском городище в селе Старый Черторыйск Маневицкого района Волынской области. Башня имела круглую форму, и ее диаметр достигал 13,5 м, т. е. был равен диаметру башни в Каменце. Обе башни полностью соответствуют друг другу и по строительной технике, вплоть до размеров кирпича. Исследователи полагают, что названные сооружения имели также одинаковую высоту и внутреннее устройство⁶⁶.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 927.

⁶¹ *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. – С. 10-11; *Лысенко П. Ф.* Берестье. – Минск, 1985. – С. 57, 335; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. – С. 119-121. – № IV.9.

⁶² См.: *Паевский Л.* Древний Брест и его храмы. – Гродно, 1894; *Зоненберг Х.* История города Брест-Литовска, 1016 – 1907. – Варшава, 1908;

⁶³ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 937-938.

⁶⁴ Там же. – Стб. 881.

⁶⁵ Там же. – Стб. 938.

⁶⁶ *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. – Москва – Ленинград, 1967. – С. 142-146, 149; *Его же.* Древнерусская архитектура. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 121; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. – С. 126-128. – № IV.13.

Пятничанская башня. Конец XIII – первая половина XIV в.

Современный вид (с. Пятничаны Жидачевского района Львовской области)

Похоже, что в XIII – первой половине XIV в. свою связь со столпничеством ощущали не только отдельные князья, связанные ближайшим родством с Даниилом Галицким. Так или иначе, эта черта объединяла всех членов рода Романовичей, правивших как на Волыни, так и в Галичине.

Доказательством сказанному, очевидно, может служить широкий размах строительства в различных частях Галицко-Волынской Руси близких друг другу по своим основным архитектурно-конструктивным особенностям и функциональному предназначению башен-столпов, которые в литературе принято называть “башнями волынского типа”.

Помимо уже рассмотренных нами примеров в настоящее время подобная башня известна в Турове. Время и обстоятельства ее сооружения неизвестны. Постройка не сохранилась до нашего времени, будучи разобранной в 30-е годы XIX в.⁶⁷

Несколько башен-столпов древнерусского времени выявлено в Галицком Прикарпатье – на территории современной Львовской области. Это – сохранившиеся до нашего времени, но все еще остающиеся недостаточно изученными сооружения в Дрогобыче, Пятничанах (Жидачевского района) и Скеливке (Фельштинe) (Старосамборского района). И. Р. и Р. И. Могитичи датируют их второй половиной XIII – первой половиной XIV вв.⁶⁸

Ко времени княжения племянника Даниила Галицкого Владимира Васильковича относится появление в Галицко-Волынской Руси полного текста

⁶⁷ *Ткачев М. А.* Исследования памятников оборонного зодчества Белоруссии / М. А. Ткачев // Археологические открытия за 1971 г. – Москва, 1972; *Трусев А. О.* Памятники монументального зодчества Белоруссии XI – XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. – Минск, 1988. – С. 103.

⁶⁸ *Могитич І. Р., Могитич Р. І.* Особливості техніки муровання і архітектурних форм галицько-волинського зодчества (X – XIV ст.) / І. Р. Могитич, Р. І. Могитич // Археологія. – 1990. – № 4. – С. 62.

славянской версии сборника духовных сочинений, именуемого “Паренесис” и приписываемого Св. Ефрему Сирину. В колофоне списка Паренесиса, хранящегося ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ. Погодинское собрание. № 71а), значится, что книга была писана для некоего Петра, “благолюбивого тиуна” князя Владимира Васильковича⁶⁹.

Упомянутый список Паренесиса является копией конца XV в. с оригинала, выполненного на Волыни во второй половине XIII в. Этот волынский оригинал считается древнейшим полным текстом славянского перевода сочинений Св. Ефрема Сирина, самым ранним из всех известных ныне списков Паренесиса, не только древнерусских, но и славянских вообще⁷⁰.

Основу сборника составляют “увещательные (paraenētikoi) слова” Ефрема Сирина к египетским монахам, дополненные рядом поучений. В качестве вступительных или заключительных статей помещаются также Житие Ефрема Сирина, “слово от жития” Ефрема Сирина и “слово о Василии Великом и Ефреме Сирине”⁷¹.

Появление на Волыни в правление Владимира Васильковича славянского перевода сборника сочинений Ефрема Сирина, как нам представляется, должно быть связано с проявлением особого интереса к христианскому аскетизму – отшельничеству и столпничеству.

Самый знаменитый из сирийских Отцов Церкви Св. Ефрем Сирийский (IV в.), сам несколько лет проведший отшельником в горах, не без основания считается одним из наиболее авторитетных вдохновителей столпничества, чья заслуга состоит в духовном оправдании этой особой формы подвижничества и его признании христианской церковью⁷².

В одном из посланий к египетским монахам, переведенном на множество языков и вошедшем в состав Паренесиса, Ефрем Сирийский решительно возражает тем, кто осуждал столпничество, усматривая в нем следование древним языческим ритуалам. Впервые в святоотеческой традиции Ефрем формулирует христианское отношение к столпничеству как подвигу во имя Господа: “Одни смирили себя вретисцем и железом; другие в затворе и посте поработали Господу; иные на столпах неукоризненно совершили подвиг”⁷³.

⁶⁹ Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI – XIV веков. – Москва, 2000. – № 105. – С. 119-120.

⁷⁰ См.: Турилов А. А. Ефрем Сирийский. Славянские переводы, рукописная и старопечатная традиция до XIX в. / А. А. Турилов // Православная энциклопедия. – Т. XIX. – Отдельные фрагменты и “слова”, вошедшие затем в Паренесис, известны со второй половины XII в. (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI – XIII вв. – Москва, 1984. – №№ 128, 163).

⁷¹ См.: Paraenesis: Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers / Hrsg. von G. Bojkovsky. – Bd. 1-5. – Freiburg; Berlin, 1984-1990.

⁷² См.: Анатолий (Грисюк), иеромонах. Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века. – Киев, 1911; Vööbus A. History of Asceticism in the Syrian Orient. – Vol. 2: Early Monasticism in Mesopotamia and Syria. – Louvain, 1960.

⁷³ Св. Ефрем Сирийский. Блаженства: В 55-ти главах. По славянскому переводу. Часть первая. Слово 28-е // Творения прп. Ефрема Сирина. – Т. 1. – Москва, 1858.

Успение Св. Ефрема Сирина. Византийская икона. Середина XV в.
Музей византийской культуры (Афины, Греция)

В сирийском Житии Св. Ефрема, памятнике VI – VII вв., также переведенном на церковнославянский язык и вошедшем в состав Паренесиса, описывается, как в момент погребения святого прощание с ним происходило в присутствии клира, народа, монахов и столпников⁷⁴. Последние лишь в самых исключительных случаях сходили со своих столпов, прерывая данный Богу обет служения. Описанный в житии факт красноречиво свидетельствует об особом почитании древними столпниками Св. Ефрема, сложившемся если не при его жизни, то уже на ранних этапах прославления святого.

Духовная связь святого со столпничеством нашла отражение в христианской иконографии. На византийской иконе середины XV в. “Успение Св. Ефрема Сирина” (Византийский музей в Афинах) святой изображен на погребальном ложе в окружении монахов; над ложем – образ Богоматери; вокруг, на пейзажном фоне, – сцены монашеских трудов, вдали – столпник на колонне, которому подают еду⁷⁵.

Родственные связи галицко-волынских и московских князей и их общий патрональный святой в памятниках сфрагистики.

Рассмотренные нами факты позволяют заключить, что как у московских великих князей в XIV – начале XV вв., так и у галицко-волынских князей в XIII – начале XIV в. почитание Св. Даниила Столпника носило родовой характер, что регулярно проявлялось в княжеском именовании, а также в строительной и учредительной деятельности князей на протяжении нескольких поколений.

⁷⁴ Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana / Ed. J. S. Assemani. – T.1. – Hildesheim, 1975. – P. 54.

⁷⁵ *Acheimastou-Potamianou M.* Ikons of the Byzantine Museum of Athens. – Athens, 1998. – P. 114-115. – Nr. 31.

Представители обеих княжеских династий состояли в близком родстве, в первой половине – середине XIII в. скрепленном брачными союзами между их важнейшими представителями.

В 1250 г. дочь Даниила Галицкого была выдана замуж за владимирского великого князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского⁷⁶. Новую чету лично венчал во Владимире близкий сподвижник Даниила митрополит Кирилл, который вслед за этим посетил Александра Невского в Новгороде⁷⁷.

С племянницей Даниила, дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича Феодулией был обручен еще один брат Александра Невского, Федор Ярославич. После неожиданной смерти жениха княжна Феодулия приняла монашеский постриг под именем Евфросиния (вероятно, в честь своей бабки, “великой княгини Романовой”) и прославилась многочисленными христианскими подвигами, став святой под именем Евфросинии Суздальской⁷⁸.

Родственные связи с Даниилом Галицким, одним из наиболее могущественных русских князей середины XIII в., разумеется, должны были способствовать распространению почитания его святого покровителя среди великих князей владимирских. Однако начало этому распространению, очевидно было положено в самом начале XIII в. и было обусловлено матримониальной политикой, проводимой матерью Даниила, великой княгиней Евфросинией.

В 1217 г. галицко-волынкой княгине удалось женить своего старшего сына Даниила на дочери новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого, Анне⁷⁹. Тем самым, Мстислав Удалой, знаменитый своими громкими военными победами, был втянут в борьбу за галицкий стол и вскоре стал новым галицким князем⁸⁰.

Женившись на Анне Мстиславовне, юный Даниил Романович тем самым породнился с будущим великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем, отцом Александра Невского и дедом Даниила Московского. Дело в том, что за три года до бракосочетания Даниила с Анной, в 1214 г., старшая сестра последней Ростислава Мстиславовна стала второй женой упомянутого Ярослава Всеволодовича⁸¹. От этого брака родились сразу пятеро будущих великих

⁷⁶ ПСРЛ. – Т. I. – Стб. 472. – Подр. см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich.* – Poznań – Wrocław, 2002. – S. 147-153.

⁷⁷ ПСРЛ. – Т. I. – Стб. 472-474, 476.

⁷⁸ *Баумгартен Н. А.* Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича / Н. А. Баумгартен // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* – Москва, 1909. – Вып. 1 (17). – С. 12 и след.; *Id., Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du Xe au XIIIe siècle.* – Roma, 1927 (*Orientalia Christiana.* – T.IX. – Ser. I. – Nr. 35). – P. 54-55; *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścislawicza / H. Grala // *Slavia Orientalis.* – R. XXXI. – Warszawa, 1982. – № 3-4. – S. 125; *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich.* – S. 52-53.

⁷⁹ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 732. – О времени заключения брака Даниила Романовича с Анной Мстиславовной см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich.* – S. 67-71.

⁸⁰ О княжении Мстислава Удалого в Галиче см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 437-479.

⁸¹ ПСРЛ. – Т. 41. – С. 131.

князей владимирских – Михаил, Андрей, Александр, Ярослав и Василий Ярославичи⁸².

Среди многочисленного потомства Ярослава Всеволодовича и Ростиславы Мстиславовны был также сын по имени Даниил (ум. в 1256 г.)⁸³. Этот князь представляет собой первый известный среди князей Северо-Восточной Руси случай наречения именем Даниила, регулярно повторяющимся в последующих поколениях.

Можно думать, что Ростислава Мстиславовна, мать большого семейства, назвала одного из своих младших сыновей в честь святого, тезоименитого ее зятю, мужу родной сестры, который к середине 1230-х годов (предполагаемому времени рождения Даниила Ярославича) уже стал одним из самых влиятельных князей Юго-Западной Руси. В результате имя Даниила оказалось перенесенным в именованье владимирских, а затем московских великих князей.

Рожденный еще при жизни Даниила Галицкого будущий московский князь Даниил Александрович приходился последнему внучатым племянником по женской линии. Имя Даниил он мог получить не только в память своего рано умершего дяди, но также и в честь более знаменитого и еще здравствовавшего галицко-волынского родственника.

В настоящее время известно несколько типов свинцовых княжеских печатей с изображением Св. Даниила Столпника. В литературе все они атрибутированы одному владельцу – московскому князю Даниилу Александровичу, связь крестильного имени которого с Даниилом Столпником считается установленной.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков отмечают несколько разновидностей подобных печатей, найденных в Новгороде:

1) печати с изображением на одной стороне святого всадника и Даниила Столпника на обороте (Янин, Гайдуков. 401 в)⁸⁴;

2) печать с изображением Даниила Столпника на одной стороне и Христа Вседержителя на обороте (Янин, Гайдуков. 401 а, б)⁸⁵.

Как видим, описанные печати при совпадении одного из изображений (Даниила Столпника) совершенно не соответствуют друг другу изображениями на другой стороне, что едва ли позволяет атрибутировать их одному владельцу.

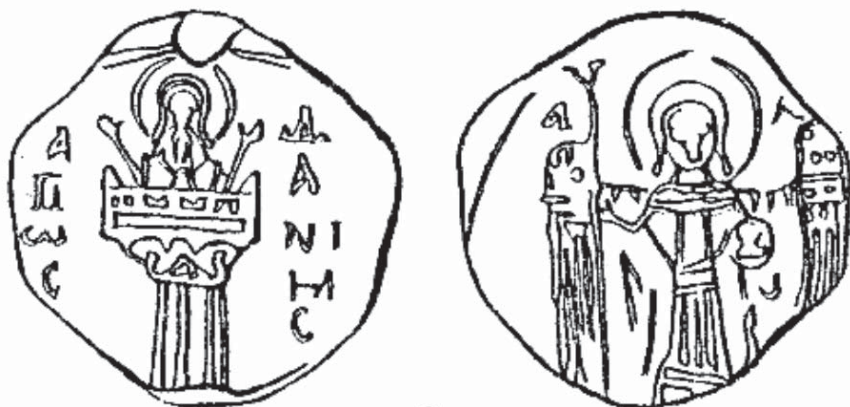
Кроме того, в 2002 г. во время археологических раскопок на городище в поселке Меджибож Летичевского района Хмельницкой области, отождествляемом с древнерусским Межибожьем, обнаружена еще одна печать с изображением Св. Даниила, остающаяся пока неатрибутированной. На ее лицевой

⁸² См.: Кучкин В. А. К биографии Александра Невского / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. – Москва, 1986.

⁸³ ПСРЛ. – Т. I. – Стб. 521; – Т. 4. – Ч. 1. – С. 232.

⁸⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X – XV вв. – Т.3. – Москва, 1998. – С. 67, 166. – № 401 в-4,5,6,7; Их же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 22. – Великий Новгород, 2008. – № 401 в-8.

⁸⁵ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. – Т.3. – С. 67, 166. – № 401 а, б; Их же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 12. – Великий Новгород, 1998. – № 401 б-3.

Печать Янин, Гайдуков. 233 Аа. из древнерусского Межибожья.
С изображениями Св. Даниила Столпника и архангела с жезлом и сферой
(прорись худ. С. Л. Богаченко)

стороне помещено изображение Св. Даниила на столпе и колончатая греческая надпись ΑΓΩC ΔΑΝΙΑ[Ο]C, а на оборотной – изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой⁸⁶.

Нет никаких оснований атрибутировать вновь найденную печать московскому князю Даниилу Александровичу. Своим внешним видом и иконографией изображений она существенно отличается от приписываемых этому князю печатей, найденных в Новгороде. Кроме того, если для установления связи московского князя с Новгородом есть определенные основания⁸⁷, то доказать его связь с расположенным на границе Киевской, Галицкой и Волынской земель Межибожьем не представляется возможным. В годы правления Даниила Московского Межибожье утратило свое прежнее политическое значение: вместе с другими городами Болоховской земли этот город пребывал под непосредственной властью золотоордынских ханов, а его жителей летописец именовал “людьми татарскими”⁸⁸.

Наоборот, не составляет труда проследить тесные взаимоотношения с Болоховской землей и ее князьями галицко-волынского князя Даниила Романовича. На протяжении нескольких десятилетий болоховские князья не признавали власти Даниила и поддерживали его главных соперников в борьбе за галицкий стол – венгерского королевича Андрея-Младшего и черниговского князя Ростислава Михайловича. Под 1241 годом Галицко-Волынская летопись сообщает о разорении Даниилом Галицким Болоховской земли в отместку за

⁸⁶ Толкачев Ю. И., Моця Б. О., Радченко Р. И., Чакір С. В., Пінчак М. В. Археологічні дослідження в Меджибожі 2000 – 2002 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2001 – 2002 рр. – Київ, 2003. – С. 278. – Рис. 4. – См. также: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 17. – Великий Новгород, 2003. – № 233 Аа.

⁸⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. – Т. 3. – С. 67.

⁸⁸ См.: Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории. – Киев, 1876; Раппопорт П. А. Города Болоховской земли / П. А. Раппопорт // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – Вып. 57. – Москва – Ленинград, 1955.

враждебные действия местных князей⁸⁹.

Ряд фактов указывает на непосредственные контакты Даниила с меж- ибожскими князьями. Под 1227 годом Галицко-Волынская летопись сообщает, что Даниил и Василько, примирившись с бывшим луцким князем Ярославом Ингваревичем, дали ему в удел Межибожье, некоторое время перед тем пребывавшее под властью Романовичей⁹⁰. Под 1257 годом тот же источник повествует, как после нашествия на галицко-волынские земли хана Куремсы Даниил “поднял войну против татар” и с помощью воеводы Дионисия Павловича захватил Межибожье⁹¹.

В свете приведенных выше данных, вскрывающих несомненную связь Даниила Галицкого и его потомков с почитанием Св. Даниила Столпника и столпничества вообще, нам представляется, что наиболее вероятным владельцем найденной в 2002 г. на древнерусском городище в поселке Меджибож буллы с изображением Даниила Столпника следует считать галицко-волынского князя Даниила Романовича.

Еще до того, как были построены Даниловский монастырь в Угровске и многочисленные башни-столпы в Холме и его окрестностях, Галицко-Волынская летопись приводит важное для нас свидетельство, иллюстрирующее особую сакральную связь Даниила Галицкого со столпничеством. В начале 1233 г., готовясь к решающей битве за Галич с венгерским королевичем Андреем-Младшим, Даниил просит помощи у Бога и Св. Симеона: “...и поклонився Богу и святомуу Семеоноу, исполчивъ полкы свое”⁹².

Очевидно, в данном известии речь идет о Св. Симеоне Столпнике – знаменитом сирийском подвижнике, ставшем основоположником столпничества как особой формы христианской аскезы, духовном наставнике Св. Даниила Столпника, лично благословившем его на подвиг столпничества.

К уточнению даты рождения Даниила Галицкого.

Как уже отмечалось, крестильное имя Даниила Галицкого исследователями никогда не соотносилось с именем Св. Даниила Столпника. Тем не менее, в литературе неоднократно предпринимались попытки определения патронального святого, тезоименитого галицко-волынскому князю. При этом, однако, в качестве основного христианского имени князя принималось не постоянно упоминаемое в летописях и других источниках имя *Даниил*, в достоверности которого не приходится сомневаться, а его предполагаемое второе имя – *Иоанн*, – упоминающееся лишь однажды.

Под таким именем Даниил Галицкий, по-видимому, фигурирует в одном из посланий к нему папы Иннокентия IV. Датированное 3 мая 1246 г. это послание адресовано “светлейшему королю Руси Иоанну” (Ioanni illustri regi Russiae)⁹³.

⁸⁹ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 791-792.

⁹⁰ Там же. – Стб. 753.

⁹¹ Там же. – Стб. 838.

⁹² Там же. – Стб. 767.

⁹³ *Historia Russiae Monumenta* / Ed. A. I. Turgenev. – Т.1. – Sankt-Petersburg, 1841. – Nr. 65; *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник / С. А. Большакова // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1975 г. – Москва, 1976.

Никаких более ясных указаний, позволяющих идентифицировать адресата, в документе не содержится. Тем не менее, публикаторы текста папской буллы обычно усматривают здесь галицко-волынского князя Даниила Романовича⁹⁴.

Эту точку зрения разделяют и некоторые новейшие авторы, полагающие, что имя Иоанн было крестильным именем Даниила Галицкого, которое он получил в честь Св. Иоанна Златоуста⁹⁵. В доказательство приводятся свидетельства Галицко-Волынкой летописи о том, что Даниил Романович возвел в своей новой столице Холме храм во имя Иоанна Златоуста⁹⁶.

Если папа Иннокентий IV действительно именовал Даниила Галицкого Иоанном, то было бы естественным ожидать, что и в дальнейшем понтифик придерживался бы такого же именованя. Однако этого не происходит. В посланиях, датированных 1247 – 1248 гг., папа, обращаясь к галицко-волынскому князю, именует его Даниилом. “Светлейшему королю Руси Даниилу” адресованы три письма папы, датированные 27 августа 1247 г., а также послания от 12 сентября 1247 г. и 23 января 1248 г.⁹⁷

Возможно, в первом послании папы произошла какая-то ошибка в употреблении имени галицко-волынского князя, или же письмо было адресовано другому лицу. Е. Е. Голубинский, к примеру, считал, что свое первое послание в Галицко-Волынскую Русь Иннокентий IV адресовал брату Даниила Васильку⁹⁸. Однако для подобных предположений нет достаточных оснований.

Скорее всего, при воспроизведении текста папской буллы от 3 мая 1246 г. какая-то неточность была допущена в изданиях А. И. Тургенева и А. Поттхаста. В подлинном оригинале письма Иннокентия никакого личного имени адресата вообще не значилось, и папа ограничивался безличным обращением: “светлейшему князю Руси” (*illustri regi Russiae*)⁹⁹.

В пользу такого вывода склоняют также другие послания Иннокентия IV к Даниилу Романовичу, относящиеся к начальному этапу их взаимоотношений. Тем же 3 мая 1246 г. датированы еще три послания папы, два из которых непосредственно адресованы галицко-волынскому князю, где он фигурирует без указания личного имени как “светлейший король Руси”¹⁰⁰. В третьем письме, адресованном папским эмиссарам, отправляемым в Галицко-Волынскую Русь, правитель последней также именуется “светлейшим королем Руси” без обозначения личного имени¹⁰¹.

– № I.

⁹⁴ Regesta Pontificum Romanorum / Ed. A. Potthast. – Т.1. – Berolini, 1874. – № 12097; *Большакова С. А.* Папские послания. – С. 12

⁹⁵ *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. – Москва, 1977. – С. 188; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. – С. 492.

⁹⁶ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 826, 842-843.

⁹⁷ *Historia Russiae Monumenta.* – Т. I. – Nr. 67-69, 74, 77; *Большакова С. А.* Папские послания. – № V-VIII, X.

⁹⁸ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. – Т. II. 1-я половина тома. – Москва, 1997. – С. 83. – Прим. 2.

⁹⁹ *Les Registres d'Innocent IV. (1243 – 1254) / Ed. E. Berger.* – Т.1. – Paris, 1884. – Nr. 1817.

¹⁰⁰ *Historia Russiae Monumenta.* – Т. I. – Nr. 62-63; *Большакова С. А.* Папские послания. № II, IV.

¹⁰¹ *Historia Russiae Monumenta.* – Т. I. – Nr. 64; *Большакова С. А.* Папские послания. – № III.

Таким образом, мы приходим к выводу, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя *Даниил*, выполнявшее одновременно функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Для предположения о наличии у этого князя еще одного христианского имени нет достаточных оснований. Тем самым, не находит подтверждения и версия об особой сакральной связи Даниила Романовича с Иоанном Златоустом, будто бы выступавшим в качестве его патронального святого.

Единственным христианским святым, который более всего соответствовал роли патронального святого для Даниила Галицкого, как мы видели, мог быть Св. Даниил Столпник. Если этот, сделанный нами вывод, соответствует действительности, появляется новая возможность для установления более точной даты рождения князя Даниила.

В соответствии с календарем церковных праздников, а также в силу общей для Рюриковичей традиции соответствия христианского месяцеслова и княжеского именовслова, Даниил Романович должен был появиться на свет в первую декаду месяца декабря – накануне или непосредственно в день церковной памяти Св. Даниила Столпника, т. е. 11 декабря или, может быть, за несколько дней до этой даты.

Точно так же в литературе решается вопрос о возможной дате рождения московского князя Даниила Александровича, тезоименитого Св. Даниилу Столпнику: Даниил Московский должен был явиться на свет незадолго до 11 декабря 1261 г.¹⁰² В этот день (или накануне) увидели свет и другие князья московской династии, тезоименитые Св. Даниилу Столпнику, о чем имеются прямые свидетельства в источниках¹⁰³.

Вопреки распространенному в литературе мнению, что в средневековой Руси младенца нарекали по имени святого, память которого приходилась на день крещения новорожденного, совершаемого на сороковой день после рождения, Б. М. Клосс доказывает, что в княжеской среде действовало другое правило. На основе многочисленных летописных свидетельств за XIV – XV вв. исследователь устанавливает, что в княжеских семьях крестильное имя в большинстве случаев выбиралось по дню рождения и соответствовало имени

Феофан Грек (ок. 1340 – ок. 1410)
Даниил Столпник. Фреска церкви Спаса
на Ильине улице. 1378 г.
(Великий Новгород, Россия)

¹⁰² Борисов Н. С. Политика московских князей. – С. 65.

¹⁰³ См.: ПСРЛ. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 279; – Т. 7. – С. 214; – Т. 10. – С. 219; – Т. 18. – С. 89; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. – С. 356, 455.

святого, поминовение которого либо непосредственно приходилось на день рождения, либо отстояло от него по церковному календарю в пределах одной-двух недель¹⁰⁴.

Совершенно очевидно, что именно такой порядок выбора христианского имени для новорожденных членов княжеского рода Рюриковичей действовал и в домонгольской Руси. Во всяком случае, в пользу этого свидетельствуют сохранившиеся в источниках данные об имянаречении князей, относящиеся ко второй половине XII – первой половине XIII вв.

Наиболее полные сведения касаются членов семьи владими́ро-суздальского великого князя Всеволода Большое Гнездо. Сам Всеволод Юрьевич, получивший в крещении имя Дмитрия, родился накануне дня памяти Св. Димитрия Солунского (26 октября)¹⁰⁵. В день памяти этого святого увидел свет сын Всеволода Владимир, также получивший в крещении имя Дмитрия¹⁰⁶. В честь Димитрия Солунского был назван в крещении и внук Всеволода, его полный тезка Всеволод-Дмитрий Юрьевич, родившийся 23 октября 1213 г.¹⁰⁷

Старший сын и наследник Всеволода Константин первым среди Рюриковичей получил столь громкое имя, родившись 18 мая “на память святого мученика Потапья въ субботу”¹⁰⁸. Имя князю было выбрано в честь Святого Равноапостольного царя Константина Великого, чья память по православному календарю отмечается 21 мая.

Родившийся 26 ноября 1188 г. великий князь владимирский Юрий Всеволодович был наречен Георгием, так как его рождение пришлось “на освящение церкви моученика Георгия”¹⁰⁹. Здесь имеется в виду установленный Русской православной церковью еще в древности праздник в честь освящения церкви Св. вмч. Георгия Победоносца в Киеве в 1051 г., более известный как Юрьев день осенний (или холодный), с которым в XV – XVI вв. были связаны правительственные меры по ограничению свободы крестьянских переходов.

Летопись сохранила обстоятельства имянаречения еще одного владимирского великого князя Ярослава-Федора Всеволодовича. Князь родился “месяца февраля въ 8 день на память святого пророка Захарьи, и нарекоша и въ святемь крещеньи Феодоръ”¹¹⁰. По церковному календарю, 8 февраля отмечается память пророка Захарии Серповидца, а также память великомученика Феодора Стратилата.

Еще один из сыновей Всеволода Большое Гнездо Святослав родился “месяца марта въ 27 день на память святое мученицы Матроны” и “наречень бысть въ святомь крещении Гаврило”¹¹¹. В канун дня рождения Святослава православная церковь празднует Собор Архангела Гавриила (26 марта).

¹⁰⁴ См.: Кloss Б. М. Избранные труды. – Т. I. Житие Сергия Радонежского. – Москва, 1998. – С. 24-27.

¹⁰⁵ ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 221.

¹⁰⁶ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 674-675.

¹⁰⁷ ПСРЛ. – Т. I. – Стб. 438.

¹⁰⁸ Там же. – Стб. 396-397.

¹⁰⁹ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 659.

¹¹⁰ ПСРЛ. – Т. I. – Стб. 408-409.

¹¹¹ Там же. – Стб. 412.

Сын Всеволода Борис родился “месяца мая въ 2 день на пренесенье святоу мученику Бориса и Глеба”¹¹². 2 мая церковь отмечает память перенесения в 1115 г. мощей Свв. Бориса и Глеба в новую церковь-усыпальницу. Еще один Всеволодович, стародубский князь Иван родился в канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) и получил свое имя в честь этого святого¹¹³.

Точно так же определялся порядок имянаречения в поколениях внуков и правнуков Всеволода. Убитый татарами в марте 1238 г. ростовский князь Василько Константинович родился “месяца декабря въ 7 день на память святого отца Амвросья епископа”¹¹⁴. Его наиболее вероятным патрональным святым стал Василий Великий, чья память празднуется 1 января. Погибший 4 марта 1238 г. в битве с татарами на р. Сити ярославский князь Всеволод Константинович родился “месяца июня въ 18 день на память святого мученика Леонтия и дружины его”¹¹⁵, однако в крещении был назван Иоанном, так как рождение князя пришлось на шестой день перед празднованием Рождества Иоанна Предтечи (24 июня). Наконец, праправнук Всеволода ростовский князь Дмитрий Борисович (ум. в 1294 г.) родился 11 сентября¹¹⁶, т. е. в день празднования памяти мученика Димитрия из Скепсии.

Такой же порядок выбора христианских имен для новорожденных князей по имени святых, чья память отмечается непосредственно в день рождения или отстоит от него на несколько дней, в конце XII – начале XIII вв. мы наблюдаем и у южнорусских Рюриковичей. Правда, иллюстрирующих его примеров в источниках сохранилось значительно меньше.

Известно, что главный герой Слова о полку Игореве, новгород-северский и черниговский князь Игорь Святославич (род. в 1151 г.) получил в крещении имя Георгий, так как появился на свет во вторник на “Святой неделе”¹¹⁷. По расчетам Н. Г. Бережкова, вторник Страстной недели в 1151 г. приходится на 3 апреля¹¹⁸. 4 (а по некоторым месящесловам – 5) апреля праздновалась память Св. прп. Георгия Малеина, а 7 апреля – память Св. прп. Георгия Исповедника, епископа Митиленского¹¹⁹. В свой знаменитый поход против половцев в 1185 г. Игорь отправляется 23 апреля¹²⁰. Последнее обстоятельство дает основания предполагать, что своим патрональным святым он считал Георгия Победоносца¹²¹.

¹¹² Там же. – Стб. 404.

¹¹³ Там же. – Стб. 414.

¹¹⁴ Там же. – Стб. 434-435.

¹¹⁵ Там же. – Стб. 435.

¹¹⁶ Там же. – Стб. 473.

¹¹⁷ ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 422.

¹¹⁸ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. – Москва, 1963. – С. 152.

¹¹⁹ *Лосева О. В.* Месящеслов и именовслов в Древней Руси / О. В. Лосева // Румянцевские чтения. Мат-лы научно-практической конф-ции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25 – 27 апреля 1995 г.). – Ч. II. – Москва, 1996. – С. 64.

¹²⁰ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 637.

¹²¹ *Горский А. А.* “Всего еси исполнена земля Русская...”: Личности и ментальность русского Средневековья. – Москва, 2001. – С. 12, 16, 33-34, прим. 2.

Путивльский и галицкий князь Владимир Игоревич, внук черниговского князя Святослава Ольговича, в крещении получил имя Петра, так как родился “месяца октября въ 8 день”¹²². По мнению О. В. Лосевой, патрональным святым князя, скорее всего, был Св. Петр Капетолийский (память 4 октября) или святой воин Петр Галат из обители Св. Фоки (память 9 октября)¹²³.

Сновский князь Ростислав Ярославич, внук черниговского и киевского князя Всеволода Ольговича был наречен в крещении Иоанном, “бе бо родился въ рождество Ивана Крестителя”¹²⁴.

Отмеченные здесь случаи христианского имянаречения Рюриковичей в XII – XV вв. определенно указывают на существование общего правила выбора имени по дню рождения вне зависимости от времени крещения новорожденного. Мальчиков обычно нарекали в крещении именем того святого, чья память по церковному календарю на несколько дней отстояла вперед, т. е. день рождение младенца предшествовал дню памяти его патронального святого, однако нередкими были случаи, когда эти дни совпадали¹²⁵.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что указанное правило действовало в семье волынских Мстиславичей, откуда происходили галицко-волынские князья Роман и Даниил.

Если исходить из указания Галицко-Волинской летописи о том, что в год смерти Романа Мстиславича (1205 г.) его старшему сыну Даниилу исполнилось всего четыре года, последний должен был появиться на свет не позднее 1201 г. Именно 1201 г. большинство исследователей принимает как наиболее достоверную дату рождения Даниила Галицкого¹²⁶.

Установив патронального святого, чье имя носил князь, мы имеем возможность сделать некоторое уточнение: Даниил Галицкий должен был родиться 11 декабря 1201 г., в день памяти Св. Даниила Столпника или за несколько дней до этой даты.

***Aleksandr Mayorov.* ON THE ORIGIN OF THE NAME AND THE MORE PRECISE DEFINITION OF THE DATE OF BIRTH OF DANYLO GALYTSKYI**

¹²² ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 562.

¹²³ Лосева О. В. Месяцеслов и именовслов в Древней Руси. – С. 64.

¹²⁴ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 568.

¹²⁵ См.: Лосева О. В. Месяцеслов и именовслов в Древней Руси; *Ее же*. Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) / О. В. Лосева // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Матлы XIII чтений памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11-13 апреля 2001 г. – Москва, 2001; Лутвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. – Приложение.

¹²⁶ Подр. см.: *Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). – Kraków, 2008. – S. 300 sqq.